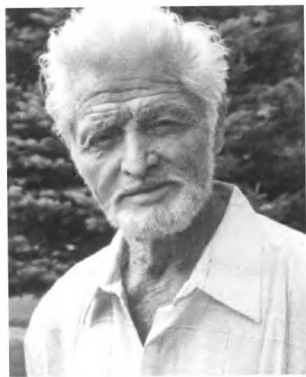

ПРОЗА

БОРИС ЩЕРБАКОВ

Член Союзов писателей СССР, Российской Федерации, Республики Казахстан. Почётный гражданин городов Усть-Каменогорска (Казахстан) и Хошимина (Вьетнам), учёный-биолог, писатель-натуралист, ученик и последователь Виталия Бианки и Максима Зверева. Автор более 30 книг и пятисот научных статей и публикаций. Входит в состав Комитета по культуре и духовному согласию при ОС ВКО.

ЗВЁЗДНАЯ СТЕПЬ ЖИДЕБАЯ

Отрывки из книги

Прошли века, но мир не изменился...

*Мир Абая – наша путеводная звезда.
Она не позволит нам сбиться с пути.
По ней мы определяем свои главные ориентиры.
На все сложнейшие, смущающие душу
вопросы он давным-давно ответил.*
Н. Назарбаев

180 лет прошло со дня рождения Абая Кунанбаева, человека-поэта, мысли и философия которого стали началом начал, также как в истории русской культуры имя А. Пушкина. На XXVII сессии ЮНЕСКО в ноябре 1993 года, посвящённой Абаяу, с участием представителей более 180 стран, Абай признан был не только как крупный поэт, но и великий мудрец, посеявший в сознание человечества семена гениальности. Никто

до него с присущей ему полнотой не представил миру Великую степь, от Каспия до Алтая населённую степным народом. В рядах титанов мысли он занял своё достойное место и стал «...национальным достоянием мирового порядка» – так его творчество оценил Чингиз Айтматов. Ярко и точно признание его гения выразил Сабит Муканов: «Не все гении поэты, не все поэты – гении. Абай был и тем, и другим».

*Умом и отвагою равно велик,
Какой же с Абаем сравнится поэт?*

Эти строки написаны другим сыном казахского народа – поэтом, акыном XX века – Жамбылом.

«Нужно, – писал известный писатель Л. Леонов, – поистине обладать крылатым умом и орлиным зрением, чтобы на перекрёстке исторических судеб не потеряться. Могучим голосом надо обладать, чтобы повесть своему народу о далях, видных с поднебесной высоты...».

Произведения его, получившие признание в самых широких кругах передовых стран, рассматривать следует не как сочинения поэта-акына, а как философа, борца за справедливость и права своего народа, как человека, сказавшего великое слово о своём народе. Имя его – явление в культуре кочевого народа, в Евразийской степи, которая вплоть до конца XVIII века представлялась «Степной Ойкуменой».

В его произведениях наряду с психологией общества, присутствует философское осмысление природы и исторической связи кочевника с ней, «сотворённой волей Аллаха». В «Слове тридцать восьмом» он писал: «Я хочу писать о мире людей, наделённых Аллахом восемью божественными качествами».

В гаклиях как философ, он обращается к потомкам, и слова его были приняты в XXI веке потомка-

ми: «Приглядитесь и вдумайтесь, – писал он, – Солнце нагревает землю, заставляет испаряться реки, моря и океаны; испарения образуют тучи и возвращаются на землю благодатным дождём. Земля покрывается зеленью и расцветает цветами, ласкающими глаз. Наливается соком сахарный тростник, созревают плоды, разрастаются деревья, укрывая птиц и зверей. Рождаются ключи, образуются новые реки, или разливаются старые, и вода течёт в озёра, моря и океаны. Вода утоляет жажду всего живого, в глубинах её размножается рыба. Солнце греет землю...».

Как видно, в логических размышлениях тематика отражает взаимосвязи природных законов, по которым живёт и развивается человечество. Тема поставлена им во главу «эго» – самого человека. «И весь этот мир предназначен для людей, – продолжает он, – Земля одаривает их хлебом, фруктами, хлопком, кендырём и другими богатствами; птицы дают им пух, мясо и яйца; животные – мясо, шерсть, шкуру и силу; водоёмы – рыбу, а рыба – икру. Даже пчёлы трудятся для людей, собирая мёд и воск, а черви прядут шёлк. Цветы умиротворяют людей своим ароматом. Ничто из этих богатств не служит самому Аллашу, ибо он властелин мира, и ни в чём не нуждается».

«Всемогущий Аллах всеведущ, справедлив и милосерден», – размышляет Абай.

Его понимание предназначения человека очевидно. Абай как философ убеждён в его значимости, указывая на зависимость от Всевышнего и природы, и человека. Абай прав и сегодня: в миропорядке, связанном с развитием человечества, изменилось многое, однако зависимость от природы не изменилась, осталась такой же, какой и была. Прав был Абай, и таким остаётся он.

О сущности человечества в рассуждениях своих он напоминает: «Нет, Всевышний не сделал людей полновластными хозяевами земли, он лишь позаботился о том, чтобы не переводилась их пища и не могла прекратиться жизнь. Великая справедливость стоит за всеми этими удивительными свершениями Всевышнего». Мыслитель предвидел, предостерегал потомков от излишней самооценки в отношении к природе, о чём, к сожалению, забываем мы.

Возможно, в наше прогрессивное время Абая справедливо было бы считать философом старомодным, но он аналитик: сам пришёл к таким выводам, актуальность которых не утратила смысла и в наше время. Следуя заветам его, необходимо задуматься над величиим и ролью Природы, созданной волей Божьей, а это уже значит, что мы должны сами заботиться о ней, считаться с законами её ради своего благополучия и забывать не должны, что Всемогущий «не сде-

лал людей полновластными хозяевами земли». Из всего сказанного им очевидно также, что тема природы была не чужда ему как поэту и как человеку.

Как глубоко мыслящий человек опередивший время своё, он даёт анализ историческому диалогу между человеком и естественным его окружением, прежде чем пришёл к выводам научным. Философия, наставления и напутствия его потомкам – это боль за судьбу соотечественников, и это всё нашло отражение в бессмертных его произведениях о человечестве, любимых и близких, о совести и долге. А слово исстари у казахов ценилось превыше всего – в этом суть бессмертия произведений Абая.

Дорога в прошлое

Следуя из Усть-Каменогорска Жидебай, обязательно приходится остановиться в Семипалатинске, прошлом – духовном центре казахов на Востоке Казахстана. Важно там посетить музей Абая и, получив общие представления об его позициях музея, под впечатлением жизни казахов более ста лет назад подлинных экспонатов, связанных с жизнью Абая, побывать затем на родине Ауэзова – в ауле Борли, который также находится на пути следования. В Борли и его окрестностях знакомишься воочию с необъятными, почти безлюдными просторами, сопками и горами

Фото из открытых источников

типичными для этой земли, и тогда только начинаешь удивляться тому, как здесь состоялись гиганты таланта и мудрых мыслей. Здесь, у Борли, проходили и первые годы жизни Абая, до переезда его в Жидебай, здесь же и могилы жён его – Дильды и Айгерим, и родился другой гений – Мухтар Ауэзов. Знакомимся с домом-музеем Ауэзова, где находятся могилы его родителей, и сама экспозиция в музее ярко отражает жизнь казахов в позапрошлом веке, ещё совсем по времени недалёкую, в условиях которой рос и мужал как писатель и первый казахский драматург Мухтар Ауэзов. Именно в Борли сначала протекало сиротское его детство. Посещение музея уже поэтому, во многих отно-

шениях, познавательное, оно даёт представление об условиях жизни не только Мухтара Омархановича, но и в общих чертах о жизни народа в те времена в целом. Следующая дальше, другими уже глазами воспринимаешь живое природное окружение – историческую арену кочевого народа, и дальше путь продолжаешь до встречи с долиной священной земли казахов – Жидебай.

Справедливо заметить – если бы не одиссея романа Мухтара Ауэзова «Путь Абая», то многое не ведали и не знали бы потомки Абая о непростой конфликтной степи того времени. Писатель в романе точно и ярко показал жизнь казахского народа, традиции и мировоззрение его, законы,

по которым веками строилась жизнь феодальной степи, но уже на пороге социальных перемен, у грани грядущих вековых разрушений застарелого, феодального общества. Полтора века назад вспыхнуло и разгорелось пламя духовности казахского народа и проклюнулись ростки таких новых понятий как интернационализм и гуманизм, произошла интеграция народов и возникла атмосфера напряжённости при разрушении старого и вхождении в канун Октябрьской революции. Всё это проходило, как показал Ауэзов, в беспокойное, даже жестокое время, в противостоянии бедноты против власть имущих, чиновничьей знати, в атмосфере ненависти и жестокости. И это они – сыны этой земли – властелины и гиганты литературного творчества, способствовали просвещению и возрождению культуры литературного языка своего народа.

В наше время землю эту без Абая, близких ему по крови людей, единомышленников и соратников – Шакарима и Ауэзова Мухтар, и представить нельзя. Во главе зарождения литературы, философии, драматургии в степном краю был показан один только путь, освящённый гением Абая, по нему пошли преемники его и последователи. Теперь родовое гнездо племени Тобыкты нам, с высоты современности, видится сияющим на полотнах истории народа степи, как триединое созвездие в полудинном тогда степном безвременье.

Против течения

Жизнь Абая складывалась не просто: это был великий человек трагической судьбой. Он – несчастный отец; за гуманизм, заступничество за бедный народ, был отторгнут родовым окружением против него велась откровенная травля вплоть до физических мер. Он из тех был, кто как мыслитель опередил время своё, а современники, как повествует история, не прощали таких. Абай не угоден был не только чинушам, но больше ещё власть имущим. Не любили его даже те, с кем он связан был кровно. Опасаясь влияния его действий, как правозащитника простого народа, царская охрана Семипалатинска изощрялась как только умела, принимая, порождая разные меры, чтобы сломить дух и волю его: делала всё возможное вплоть до тюремной изоляции. Семипалатинске, чтобы разорвать его связи с представителями периферийной интеллигенции, Н. Долгополова, Н. Гросс и других выслаивали из города. Ради того, чтобы сохранить отношения, после переезда Е.П. Михаэлиса в Усть-Каменогорск, Абай сам приезжал к нему в город. Но, к сожалению, воспоминаний каких-либо о встрече их, беседах, не осталось, кроме детских воспоминаний дочери Евгения Петровича.

Мир во все времена был полон лишён загадок, удивительных

странностей, и в самой природе человека присутствует «правило»: любые запреты стимулируют противоречивые ответные действия. И в этой ситуации происходило всё соответственно изречению, что «запретный плод всегда сладок»: несмотря на угрозы, вплоть до расправы со стороны чиновников и службистов царской охраны, направленных против Абая, усилия их оказались напрасными. Даже наоборот, его авторитет в народе, дружба с товарищами лишь крепла. Испытания в жизни его показали: гениальность, дарованная ему Всевышним, в памяти народа закрепились навечно.

Со дня рождения Ибрагима Кунанбаева прошло более 170 лет. Однако, несмотря на смену шести поколений, народная любовь к нему не иссякла, более того, она безгранична и достойна великого поэта и мудреца, интернационалиста и гуманиста. Тем и велик Абай, что, пройдя через все испытания, сумел сохранить эти принципы и поэтому останется в душах и сердцах своих соотечественников. В Индии, на совещании творческих кругов в Нью-Дели, его называли «Степным Гомером». Сравнение в полной мере ему подходит – мудрому, сильному духом, наделённому смелостью.

Признание «Степного Гомера»

*Так будем же достойны незабвенной памяти Абая!
Да не померкнет
в веках его гений!*

Н. Назарбаев

Поэт и акын, композитор и философ, мудрый и дальновидный, выдающийся гуманист и просветитель, защитник бедных и женщин – это всё он, великий Абай. На пьедестале истории такие, как он, становятся на все времена кумирами.

*Чьей мысли золото дано
Блистать стихам
серебряной оправой.*

Известно, что большую роль в его творческой биографии и определении дальнейшей судьбы сыграла его бабушка Зере. Предвидя будто судьбоносное предназначение любимого внука, мудрая женщина, по чисто женскому наитию, от любви великой к нему, изменила имя его настоящее Ибрагим, данное отцом Кунанбаем, на ласковое, означающее «осмотрительный», «вдумчивый» (то есть Абай), известное теперь во всем мире.

Когда в республике отмечался «Год Абая», мне довелось оказаться с государственными, научными работниками и деятелями культуры Казахстана в столице дружествен-

ной страны Индии – Нью-Дели. Там, в университете имени Индиры Ганди, проводилось торжественное заседание с участием творческой интеллигенции этой страны – именитых филологов, философов, писателей, критиков, литературоведов... От нашей республики откомандирована была небольшая делегация из работников кабинета президента, министерства информации в лице Алибека Аскарова, редактора алмаатинского издательства «Жазуши» – Бексултана и автора этих строк. Конференция прошла на высоком международном уровне. Как и моим партнёрам по командировке, мне пришлось выступить по делийскому радио. В выступлении своём я, мало ещё знакомый с творчеством великого земляка, опираясь на некоторые произведения, с которыми был уже знаком, кратко коснулся необходимости углублённого изучения темы «Природа в произведениях Абая». Эта сторона в поэтических и философских трудах его остаётся всё ещё недостаточно исследованной, нет должного анализа его (абайской) природы, хотя в стихотворениях и философских измышлениях поэта эта линия творчества просматривается чётко. Но на глубокой вспаханной ниве творчества поэта тема эта – нетронутая целина. Стезя эта в его творчестве требует глубокого анализа, литературоведческих исследований, и она принесёт, без сомнения, много ин-

тересного, взятого у степного не рода XVIII века. В работе над этой книгой задачи высветить малоизвестное научное направление в творчестве его не стояло. Цель другая: рассказать и показать родину его и то, что связано как с прошлым, так и настоящим. Поэтому в каждой главе, написанной о пути в Жидебай, неотступно идёт описание степной обстановки, в которой протекала жизнь великих земляков. Намечалось посещение музеев в Семипалатинске, Борли и Жидебае. На этом пути не терял надежды, что впечатления от увиденного смогут позволить взглянуть и лучше понять «поэтический храм природы», где создавались бессмертные произведения «Степного Гомера».

О поэте, умеющем обращаться со временем в песню, сказано и написано в прессе и литературных кругах более 1500 публикаций. Многие абаяеведы посвятили творчеству своё исследование литературного наследства Абая, его биографии; естественно, на ступенях абаяевского «Поэтического храма» построили они и себе памятники. Однако нива природы степей в его произведениях ещё ждёт своего пахаря. Несомненно, что со временем будет изучена эта сторона его творчества, и, надеяться надо, сделаны будут достойные времени открытия и выводы, отражающие эту сторону его произведений, причём с самых неожиданных сторон поэтики его, философских исканий

как художника слова. Остаётся до-
бавить: несмотря на гонения и при-
теснения всевозможные, прямое
преследование враждебно настро-
енных властей, судьба проявила к
нему великую благосклонность: он
тесной дружбой был связан с вид-
ными русскими интеллигентами,
революционерами семидесятых и
восьмидесятых годов XIX века. Сре-
ди них – близкий друг и наставник,
помощник Акцизного надзирате-
ля, надворный советник Е.П. Миха-
элис, также Нифонт Долгополов и
Северин Гросс, сосланные в те годы
за участие в революционных дви-
жениях в России в Семипалатинск.

В результате пребывания сослан-
ных народовольцев, к 1884 году
создалась в Семипалатинске сво-
еобразная «академия» передовой
интеллигенции. Упомянутый уже
Евгений Михаэлис был, по воспоминаниям многих очевидцев, человек
необычный, с огромным энерге-
тическим потенциалом, присущей
ему гениальностью, и он, полный
энергии и идей, спешил за жизнь
свою сделать как можно больше и,
надо сказать, ему многое удалось:
он исследовал ледники Алтая, гео-
логию хребта Саур и провёл многие
другие исследования по географии,
геологии, биологии и проявил себя
как блестящий инженер-конструк-
тор, и многое другое. Сподвижники
его – Северин Гросс, вместе с Алек-
сандром Блеком, изучали быт ка-
захов, о котором многое было ещё
неизвестно в цивилизованной Ев-

ропе. В одной упряжи с ним были
и блестяще образованные врачи –
А. Богомолец и И. Виторт, которые
были друзьями Нифонта Долгопо-
лова и Абая Кунанбаева. Именно
Долгополов с другими русскими
революционерами пробудил в Абае
любь к творениям поэтов, писа-
телей и учёных, о которых Абай до
этого и не слышал.

Дружба эта крепко-накрепко
сплачивала их и, как известно, не
только у себя в Семипалатинске
они встречали Абая, где подолгу
вели с ним дружеские беседы, но
и сами приезжали к нему в гости
в Жидебай. Летом всей компани-
ей уезжали на летние пастбища
– джайлау, где также в тёплой дру-
жеской обстановке, наслаждаясь
прелестями кочевой жизни каза-
хов, больше узнавали друг друга,
согласовывали действия свои, сти-
мулируя взаимное творчество.

Таким образом, в эти годы, дру-
зья, как могли, помогали друг дру-
гу, и вместе все способствовали
самообразованию Абая. Но и они
тоже многое почерпнули об исто-
рии, быте кочевых казахов, обща-
ясь с поэтом.

Большая дружба Е. П. Михаэли-
са с Абаем Кунанбаевым началась,
как пишет М. Ауэзов, с того, что они
познакомились в начале 80-х годов
в библиотеке им. Гоголя в Семипа-
латинске. Евгений Петрович, как
активный поборник просвещения
казахского народа, не мог не заин-
тересоваться казахом, увидев, что

он читает русскую литературу. По тем временам это было явлением исключительным. Открыл для себя Михаэлис Абая при следующих обстоятельствах. Однажды в семипалатинской библиотеке он услышал, что какой-то киргиз (так называли казахов) просил дать ему одно из произведений Льва Николаевича Толстого. Услышав об этом, Михаэлис, так как книга эта находилась у него в то время, был очень удивлён, что встретил «киргиза», интересующегося произведениями Толстого. Он сразу же подошёл к Абая и, передавая ему книгу, представился. Так произошла их первая встреча, и с этого времени между Абаем и революционером-демократом 60-х годов завязалась крепкая дружба, оказавшая положительное влияние в целом на русско-казахскую интеллигенцию этого края. С этого времени Евгений Петрович деятельно помогал Абая в самообразовании, подбирал специально для него литературу и подолгу беседовал с ним по поводу прочитанных книг, вводил его в круг всех общественно-прогрессивных и революционных идей того времени. Литература с этого времени для ещё юного Абая становится судьбой его. Через Михаэлиса он, как равный, вошёл в кружок интеллигенции, имевшей большое влияние на его дальнейшую литературную жизнь, как поэта и как мыслителя. Михаэлис и сам «грешил» поэзией. И, возможно,

если бы он не сжёг свои документы и переписку с единомышленниками, сохранились бы и его литературные произведения. Вот один из отрывков его стихотворения:

*Всколыхнётся река
и прошепчет трава,
Как темна была ночь на земле.
Встрепенётся листва,
пробудившись от сна,
Хорошо умереть на заре!*

*Заалееет восток,
зазвенит ручеёк...
Побледневшей печальной луне
Поцелуй свой пошлёт ветерок,
Хорошо умереть на заре!*

*Изумрудом, брильянтом роса
заблестит,
Засияет луч солнца
на дальней горе.
Вместе с тьмою печаль улетит.
Хорошо умереть на заре!*

*Угнетённый проснётся
от долгого сна,
Властином на вольной земле,
И пред ним вся природа
ветла и ясна,
Хорошо умереть на заре!*

С началом крепкой дружбы и Абай ежегодно теперь, с декабря по март, пребывал в Семипалатинске, где большую часть времени также проводил в беседах с Михаэлисом и общими их друзьями. Впл

следствии Абай с исключительной любовью и теплом вспоминал Евгения Петровича и говорил: «Михаилис мне открыл глаза на мир».

В дальнейшем в круг друзей Абая в Семипалатинске вошли также молодые, уже известные Александр Блек, Павел Лобановский, Николай Коншин. В плеяде близких друзей Абая был и Н. А. Некрасов, с особой остротой способный предугадывать и чувствовать веяние времени. Передовые статьи, ставшие классикой русской литературы, публиковались тогда в журналах, редактором которых был сам Н. А. Некрасов. В журнале часто печатались критики, публицисты, такие как В. Г. Белинский и Н.А. Добролюбов и другие великие русские писатели, чьи произведения оказали большое влияние на развитие русской и мировой литературы: Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и писатель-сатирик, публицист М. Е. Салтыков-Щедрин, учёный-социолог, писатель, литературный критик Н. Г. Чернышевский и один из великих драматургов А. Н. Островский. Благодаря им русская литература была поднята на недосягаемую высоту. Но так случилось, что после обыска царской охранкой дома Абая в ауле, где он жил, всех его друзей выслали из Семипалатинска в отдалённые уезды. Однако обыск и разлука не остановили стремление Абая к знаниям, теперь он сам находил много нового для себя, изучая русских классиков, которых тут

же переводил на родной язык, общаясь к их произведениям своих соплеменников. Так, через книги и друзей, через духовного лидера, которым Абай был признан ещё с молодости, замкнутая жизнь кочевого народа Великой степи приобщалась постепенно к достижениям мирового искусства.

Муки, терзания...

Никто, кроме Абая, так смело не брался, с присущей ему силой творчества, отразить свою боль за судьбу народа. Также одним из первых в умозаключениях, философских трактатах – «Гаклиях-Карасоз» он резко высказался о соплеменниках, будто высветил тёмную часть Луны:

*И только в памяти живёт
Воспоминанье дней былых,
О том, как дружен был народ...
Но ни одной души вокруг,
Кто б за него болел, как друг!*

Слова поэта, отлитые в «мысль золотую», стали символом общечеловеческой мудрости, постижением и геральдикой интернациональной идейности. И в этом ещё одна из важнейших граней незаурядного таланта и величия духа его.

В поэзии и философии он глубокий и разный, как другой и разный в нашем восприятии. Становится это очевидным лишь после зна-

комства с его произведениями и трудами. Только за 1909-2014 гг. о нём выпущено было более полутора тысяч работ.

Читая Абая, нельзя не заметить в его произведениях, насколько требователен он был и к себе, был правдив в каждом «слове» своём. Он не искал лёгких путей, и, как народный батыр, выступая в защиту обездоленных, был могуч и одновременно бессилён...

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО:

Абай написал около 170 стихотворений, сделал 56 переводов, создал поэмы и цикл философских трактатов – «Слова назидания» («Қара сөздер»).

Проявляя дух волевой, убеждённости и силу своей правоты, он взял тем самым все грехи на себя: в глаза времени говорить только правду; он растревожил лень и безволие своих соотечественников, призывая их встать на путь к близкой казахскому народу русской культуры:

*Пойми, что загадкой я был
Искал пути в бездорожье.
Бился один на один,
Не обессудь!*

Переживая пагубность межродовых раздоров и распрей, разжигаемых местными правителями, терзаемый болью за участь своих соплеменников, за соотечественников угнетённых, он обращал сло-

ва и призывы в поток национальной скорби. Особенно Абай страдал за род Тобыкты, – именитый, но малочисленный, и за его будущее.

*Средь чужих – племя Тобыкты,
Гнездо интриг и клеветы.
Там зависть чёрная царит,
У многих алчно взор горит.
Среди людей чужих племён
Наш род презреньем заклеимён.
Чужие избегают нас,
Нечестность видя всякий час.*

Несмотря на лишения, с которыми сводила постоянно его жизнь, поэт не сломался, не ожесточился. Обличительные строки стихов его подобно удару бича, порождающего страх у животных, в негодование приводили тех, против кого направлено было остриё его гневной сатиры. А нацелено было оно против властолюбцев, лодырей, склочников. Беспощаден поэт также был к порокам феодально-родовой чиновничьей знати, чванливых бездельников и разномастных приспособленцев. В этом и заключалась причина того, что голос его был не услышанным, не понятым.

*Аргынцам и найманцам, тем
Мои слова – родник живой,
А для сородичей моих
Их вещей смысл –
лишь звук пустой.
Им слиток золота даю,
Но так уж повелось, что им
Он медью кажется простой.*

И ещё:

*Велика у меня,
Широка родня, –
Одиноким быть нет причин.
Велика семья,
Но не понят я
И живу средь людей один.
Как могила шамана, я
Одинок – вот правда моя!*

Невозможно себе представить, как можно было ему в круговерти противоречивых страстей с одной стороны быть безгранично любимым народом, и в то же время быть презренным знатью того же народа? Как можно было опальному поэту творить прекрасное – выплёскивая лирику чувств, и стихами, как кистью художника создавая великие творения для не доброго к нему мира?

«Действительно, можно диву даваться, как в древней беспредельной степи, золотой чашей охватывающей два гигантских континента, мог родиться незаурядный исполин духа и интеллекта, не вмещавшийся ни в какие традиционные представления школы или культурные течения».

(Назарбаев, 2006).

В честь великого земляка

Среди жителей нашей области мало кто не хотел бы ознакомиться со следами истории Великой степи – территории, занимающей обширные степи юго-западнее Семипалатинска, где родились Абай, Шака-

рим и Ауэзов; где жили в своё время связанные кровными отношениями ученики и последователи их. Так и мы с вами отправимся в степные края, освещённые славой исторических лиц – наших земляков.

Почему мы отправимся в Абайский район из Усть-Каменогорска, а не из Семейа? Для того чтобы проехать теми же дорогами, которыми в своё время проследовал Абай, с целью погостить у Е.П. Михаэлиса. Следуя в Жидебай, нам представляется возможным в общих чертах познакомиться с родиной великих соотечественников и прошлым этого края. Несомненно одно – путь, которым проехал в Усть-Каменогорск Абай, на него произвёл какое-то впечатление, дал ему повод для рассуждений и определённо, что дорожные впечатления нашли место в его произведениях.

В год 160-летия Абая в ЮНЕСКО прошло посвящённое этому событию торжество. В ознаменование юбилея и, помня о встрече Абая и Е.П. Михаэлиса в Усть-Каменогорске, одну из скалистых вершин, на подъезде к городу в урочище Чечек, в предгорье «Золотоносной Калбы», я назвал «Вершина Абая». Как и задумано было, она стала отправным пунктом на его родину в Жидебай.

Определить место, где начинаются или кончаются те или иные горы, казалось бы, просто. На самом деле началом можно считать горы какие-либо, с разных сторон

света; они начинаются там же, где и кончаются. В конкретном случае – Чечек, Вершина Абая – то самое место, где начинается Калбинский Алтай или Калба со стороны Иртыша, у Усть-Каменогорска. И ещё: будем считать, что горы начинаются не там, где они, в данном случае, поднимаются с равнин или там оканчиваются, а с той стороны, с какой подходим мы к ним.

Предгорья, типичные для этого градуса широты Восточного Казахстана, выходящие к Усть-Каменогорску и выше, и ниже по Иртышу. От них и начнём, пожалуй, путь наш в Абайский район, в Жидебай, где и находится Дом-музей. Для жителей Усть-Каменогорска Калба или Калбинский хребет начинается с урочища Чечек, расположенного примерно в пяти километрах от Иртыша. Благозвучное старинное название перевала Чечек с казахского переводится, как «цветок». Здесь, на перевале, над малозаметным ручьём в узкой щели, видна невысокая, но заметная издали горная гряда. Через Чечек от Усть-Каменогорска к Таргину, Самарке, Кокпектам и Зайсану, пробита была ещё в старые времена гужевая дорога. Теперь же, всё, что с ней было связано, стало преданием старины. Здесь теперь проложена асфальтированная трасса, уводящая в глубины гор, где находятся упомянутые поселения, разделённые невысокими горами и сопками.

Перевал – первая ступень на

подъёме за городом. Здесь, у подножий гор, недалеко от родника бьющего из-под скалы, на ровной площадке стоял небольшой «заезжий дом». На подворье кормились лошади и коровы, пасся около небольшой гурт баранов, но примечательно, что вокруг подворья бегали, взбрыкивая от удовольствия, полной свободы, кролики. Бедным зверькам невдомёк было, что ежегодно они рисковали быть пойманными лисами, которых здесь было много, волками, хорьками, которыми даже в 60-х годах прошлого века были здесь обычными и, конечно орлами – беркутом или другим орлом – могильником.

Мимо этого дома зимой в горы проезжали обозы, гружённые мороженой рыбой, везли её с Зайсана на базар. Обозники останавливались обогреться, отдохнуть, попить чаю в доме или переждать неполаду перед обратным отъездом.

С приятелем моим Колькой, похаживавшим очень на известного артиста В. Басова, такого же ушастого будучи школьниками, мы увлекались охотой за лисами, серыми куropsатками, тетеревами, которых здесь было достаточно много. Днями целыми в лютые морозы, когда температура опускалась до 4 и ниже и школы закрывались на радость, мы с ним по горам, бегая на лыжах гонялись за лисами. Но охоты наши были безуспешными. Ещё бы: охотились вдвоём с одной охотничьей ружьёй. Правда, через врем

или километры её передавали друг другу. Тогда и мы заходили обогреться в дом. Признаюсь, раскаиваюсь теперь в том, что по глупости мальчишеской был охотником, естественно, кое-кого добывал. Так вот, каждый раз, набегавшись по горам Чечека, у Самсоновки и у посёлка Жыланды, устав до смерти от сугробов, от снежных намётов в логах, мы с Колькой заходили обогреться к Акимке – хозяину дома.

Ничем особенным сопки Чечека не отличаются: те же скалы, ковыли и типчак по склонам, по ложкам – заросли караганы или дерезы, шиповника, жимолости, реже – осинники и черёмушники. Но после зимы с первым теплом склоны гор пестрели цветами – расцветал синий прострел, известный как сон-трава, старожилы называли их по-другому – ветродуйками; голубели по каменистым местам ирисы кожистые, называли их романтично – «кукушкины слёзки». Высыпками и букетами горели по склонам пунцовые пионы, появлялись и белые колокольчики рябчика мутноватого и многих-многих красиво цветущих растений. Видимо, за апрельский «ситец», одевающий весенние горы, и назвали перевал «Чечек»! Теперь все эти растения – исчезающие, внесены в Красную книгу.

За мало-мальской речушкой, в тесной ложине, образовались непроходимые, перевитые хмелем и ежевикой, заросли ивы, черёмухи

и осин. Где посуше поселились соловодка, жимолость, перемешанные с тростником и вейником полевым. На местах заболоченной поймы образовались захламлённые чащобы черемухи и ивы с тростником. Именно здесь, над поймой, поднялась заметная издали скальная вершина. Были годы, когда в её нишах и гротах гнёзда устраивали беркуты, филины и обязательно мелкие соколки – степные и обыкновенные пустельги.

В те же самые годы в этих горах по зарослям «таразайника», называли так кустарники по логам и сопкам, нередкими были косули, многочисленными лисицы: за один день поднять с лёжек можно было с десятков их и больше. По сопкам, оповещая об опасности, свистели живые столбики сурков и сусликов длиннохвостых. Последних почему-то «кысочками» или «кошечками» называли. Словом, был здесь в годы нашего детства дикий уголок, и это всё прямо у города.

У этой вершины, по мочажинам у речки гнездились, причём каждое лето, светлокрылые хищники – луни степные и луговые, которые всюду стали редкими и «записались» уже в Красную книгу. От предгорий Чечека до города, где построен рабочий посёлок «КШТ» и придорожные коттеджи, с начала весны до исхода лета на полях били, не умолкая, перепела, скрежетали коростели... Здесь же

колосились пшеница, рожь, магар или чумиза; в отдельные годы выращивали подсолнечник; ближе к горам – картофель и бахчевые. Однако оставалось много свободных земель, которые зарастали чернобильником, коноплей, репьем, чертополохом, что привлекало множество разной пролётной и зимующей птицы. Зимовали здесь серые куропатки, жители называли их рябчиками. Понятно: охоты здесь были удачными. Это та самая окраина нашего города, о которой писал ещё земляк наш, известный писатель Пермитин Ефим. Вот и я левобережную окраину города полюбил ещё с самого детства.

За прошедшие годы пришлось побывать мне в разных уголках бывшей великой нашей страны, также и в зарубежье, а вот родины Абая, получилось так, не видел ещё. Теперь понятно, насколько велико было желание побывать там, как уже было сказано.

Эту скалистую вершину у родничка, источенную ветрами и дождями, в одном из пособий для учителей по краеведению решил я в «Год Абая» назвать в его честь. С неё долина Иртыша и город в «устье каменных гор», обычно затянутые тёмно-сизой вуалью, видны как на ладони. В безветрие, сквозь промышленную «атмосферу» его, будто серый войлок, проткнули чадающие «сигары» полосатых труб. «Войлочная атмосфера», так называемый «воздух» лиша-

ет горожан возможности видеть звёздное небо. Над Иртышом, у железнодорожного моста, видны вершины рыжеватые утёсы, которыми здесь и заканчивается хребет Ульбинский. Кажется рядом отсюда горы – Тарабайчиха на правом берегу, и на левом – соседняя с ней Жыланды.

Стоя на вершине, уже трудно представить «деревенский городок», как назвал его в одном из романов усть-каменогорский писатель В.М. Шапко, с его серыми деревянными домами, утлыми избушками на слиянии Иртыша и Ульбы, белеющий собор Успенский да ещё колокольню бывшей «пожарки». От неё на территории областного акимата кое-что ещё осталось и сейчас. На улице Соляной, у Иртыша, в 1898 году в гостях у Михаэлиса побывал Абай. Вот каким увидел город губернский секретарь Н.И. Коншин: *«Местность, им занятая, так красива, что сам по себе невзрачный город, с деревянными неказистыми домиками, выглядит куда красивее других городов Семипалатинской области. Кругом горы серовато-жёлтые вблизи, с тяжёлыми морщинами, и синие вдали, много зелени и воды – всё это придаёт Усть-Каменогорску своеобразную прелесть, и вы невольно забываете про его немощёные улицы, страшно грязные после дождей благодаря чернозёмной почве, протоптанные канавы вдоль улиц, покрытые дёрном»*.

сками, по которым ходить не везде безопасно...».

Вниз по Иртышу автотрасса уходит к Семею, то есть к Семипалатинску, широкой долиной. Этой дорогой в XVIII веке проезжали многие известные исследователи-путешественники, географы, биологи... Несомненно, что также по ней проезжал и Абай. А на чём, точно и не известно. Но, говорят, поездка была зимой. Возможно, и так.

Фамильная цепь

В судьбе Абая, его творчестве важную роль сыграло его социальное происхождение и, конечно, его фамильные связи. По отцовскому роду Абай относился к линии Кунанбая – лидера-бия, который принадлежал к малому, влиятельному роду Тобыкты. Предки его принадлежали роду Аргын из Среднего жуза. От родовой линии Дадан-тобыкты отошла ветвь другого рода, с двумя волостями – в уездах Каркаралинском и в Семипалатинском. Родословная их шла от пра-прадеда Жумагула, в числе шести детей его был Мамай, который и был тем, кто род Тобыкты привёл из орских лесов на свободные земли к подножью Чингисских гор. От старшей его жены – Жигитек, родились сыновья Кенгирбай и Сенгирбай. Бий Кенгирбай в народе известен был как Кебекен – то есть сильный, упрямый... От младшей жены Ма-

мая родился Ыргизбай или Иргизбай – прадед в четвёртом колене Абая, сподвижник Хана Аблая.

У Иргизбая сыновей было четверо, в том числе Оскенбай, после смерти Кенгирбая, бием становится он. От старшей жены Оскенбая рождается единственный его сын Кунанбай-хаджи, – отец Абая. От старшей жены Кунанбая рождается единственный также сын Кудайберды – ставший отцом Шакарима.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО:

Был такой Ахмет-хан (1496-1504 гг.), прозванный за участие в сражениях с ойронтами Аладжи-ханом, (хан-убийца или «истребитель ойротов», который из казахских джигитов собрал войско для битвы с калмаками (калмыками). Войско своё разбил он на три крыла и назвал их: Великий жуз (Старший), Средний и Младший жуз.

Прадед Абая Иргизбай, (Ыргызбай) – тобыктинский бий, он же батыр, имя своё получил по названию реки Иргиз в Тургайской области, где родился в 50-х гг. XVII века. Ыргызбай – племянник знаменитого Жанибека – батыра племени Керей. За заслуги и подвиги ратные при сражениях с джунгарами получил благословение от самого Абылай-хана. Ыргызбай был самым влиятельным

батыром своего рода. Однако как правитель он не совсем соответствовал этой должности; главное, что не устраивало и не поощрялось в его окружении – его доброта, миролюбие и отзывчивость. Но, именно он – батыр, вернул после опустошительного набега джунгаров людей своих в эти края. Само слово «батыр» у казахов очень авторитетное. Это не только личное мужество, отвага и сила, но также обязательное участие в боевых сражениях.

Например, известен небольшой эпизод, связанный с именем Иргизбая, как батыра: в 1776 г. хан Аблай и Абаульфаиз-хан, в поддержку Старшего жуза, захватывают Ташкент. В честь освобождения города от ташкентского бека устраивается роскошный той, на котором Иргизбай вступает в состязание с очень знаменитым борцом рода Конраулы. В схватке этой он побеждает. За эту победу его награждают несколькими пудами пшеницы, которую отдал он своему войску. От природы Иргизбай обладал даром прекрасного сочинителя, унаследованным им от матери, в то же время наделён был большим человеколюбием. Должность султана, где находиться должен человек с твёрдым характером, не устраивала его, и год от года в нём всё сильнее просыпалась тяга к творчеству. Иргизбай совершает уникальный поступок, это в то время, когда

жажда власти у степного народа была просто в крови, а он вдруг принимает решение и добровольно отстраняется от этой должности. Этот поступок напоминает нам о характере, поступках Абая, который также отстранился от власти, переданной ему отцом Кунанбаем.

Кенгирбай был совсем другим по характеру своему человеком. Он состоял в близком родстве с Иргизбаем – прадедом Абая, также в конце XVIII века был одним из родоначальников племени Тобыкты. В отличие от Иргизбая, он слыл суровым правителем с жёстким характером; знали его как неспясаемого законника: всех провинившихся, согласно законам их рода, карал беспощадно; с его благословения казнены были Енлик и Кебек, совершившие, как посчитал он, вызов Закону степи, о которых скажут: «Они ушли в другой мир, но ушли, обнявшись». Случай с влюблёнными взволновал тогда всю кочевую степь, и совсем юный Мухтар Ауэзов посвящает им первую пьесу свою, которая так и называлась: «Енлик-Кебек». Дальние родственники его воспротивились и хотели пьесу Ауэзова отменить. Но только благодаря вмешательству в споры Турагула – сына Абая, который выступал от имени своего отца, пьеса состоялась и пробила себе дорогу в жизнь. И в наше время в казахских театрах признаётся она как классическая.

Дед Абая – Оскенбай был также одним из самых уважаемых казахских биев в округе и оставил после себя мудрые изречения и назидания. К нему, как справедливому и авторитетному бию, обращались за помощью не только свои соплеменники, но даже казахи из отдалённых родов. «Когда хаджи (Кунанбай) почил в августе 1885 года в возрасте восьмидесяти одного года (в год курицы)», Оскенбай бий в годовщину памяти усопшего устроил большой той в Кокшетау: приглашены были знатные люди из всех трёх казахских жузов. Представители Старшего жуза, приехавшие на той из самого Ташкента и Бухары, привезли в дар памяти хаджи несколько сирот, т. е. рабов.

Отец Абая – Кунанбай (1804-1886 гг.) родился близ гор Малой и Большой Акшоки, в зимовке Акшоки в семье отца его – Оскенбая. Оскенбайулы Кунанбай кажы-би, ага-султан, был видный и талантливый общественный деятель, очень известный и пользующийся большим авторитетом. По происхождению он был не только наследственным феодалом, но в течение жизни, через своё правление, обрёл высокую славу. Благодаря этим качествам, он стал настоящим степным бароном, сумевшим укрепить власть во всей степи. Как правитель, Кунанбай имел огромное влияние даже на казахов чужих родов. Подтвердилось это тем, что в 1849-1852

годах он был избран Ага-султаном Каркаралинского округа, то есть, произведён был в старшие султаны округа. За верную службу царской власти в 1846 году ему присвоено было звание хорунжий, чин майора российской службы и должность чиновника во главе местного правления. По традиции того времени, должность эту монополизировали только родовитые султаны. Позднее, за десятилетнюю службу старшему султану Кунабаю присвоено было дворянское звание.

По воспоминаниям тех, кто знал его, это был человек утончённых восприятий, расчётливый политик, хорошо знающий законы, которыми руководствовалась степь. Примечательно ещё и то, что, как писал о нём Шакарим, родители его и окружение жили в тёмной, безграмотной среде. Однако научившись мало-мальски читать, Кунанбай тайком брал присланные отцу его письма, поступающие из разных углов степного края и, сличая их, учился сам, повышая самообразование. Потом он научился читать книги на тюркском языке. И, понимая какую роль играет образование, стал нанимать татарских мулл и открыл для казахских детей школу. Постоянно он занимался благотворительностью. Кроме того, отменил некоторые вредные традиции в своём роду и соплеменников учил добродетели, а сам совершил хадж – паломничество

в Мекку и там, в 1905-1906 годах, для паломников на свои средства купил гостиный дом.

В 1834-1856 годах его избирают старшиной Кушик-Тобыктинской волости; в 1846 году он принимает участие в экспедиции генерала Вишневого по подчинению казахов Старшего жуза России.

В 1849-1852 годах по его инициативе в местности «Ески там» открывается школа. В Каркаралинске он построил мечеть и всегда твёрдо стоял на том, чтобы обучать грамоте казахских детей.

В других источниках находим, что Кунанбай-кажы был не только влиятельным управителем рода Тобыкты, но ещё и хорошим знатоком русского языка: он легко общался с представителями передовой русской интеллигенции. Дома у него была богатая библиотека из книг на арабском, персидском и тюркских языках. В очерке о городе Каркаралы есть сведения, что переводчиком у Кунанбая, когда он туда приезжал, был отец генерала Л.Г. Корнилова, там тогда проживающий.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО:

Кунанбай был несметно богат – один из крупнейших скотовладельцев Среднего жуза: за сестру свою в 1830 г. он передал семье жениха табун лошадей в тысячу голов.

В последние годы жизни, в 1874 году, как было сказано, Кунанбай совершил хадж в Мекку. Он был из первых казахов, посетивших её, и прожил там более двух лет. За эти годы для паломников строил дом, служивший гостиницей в медресе. По возвращению домой, он сам устранился от мирских дел, что больше ещё возвысило его популярность во всей кочевой степи. Он как правитель, принимая какие-либо решения, связанные с правом казахов, будучи грамотным в этих вопросах, опирался всегда на традиционное право их и был один из тех, кто карал жестоко за барымту, воровство, вероотступничество, насилие... Когда один мулла заявил, что насыбай – это харам («нечисть»), хаджа строго запретил употреблять нюхательный табак, грозя нарушителям запрета влить в ноздри купорос. Это он ввёл в обычай среди казахов, прежде никогда не дававших закята (очищение), совершать этот акт милосердия.

У Кунанбая было четыре жены – Кунке, Улжан, Айгыз, Нурганым. И Абаю повезло в том, что рос он под опекой двух матерей – Улжан и младшей матери Айгыз, которые между собой жили дружно. Они обе его любили и многое позволяли ему – баловали. Маленького Ибрагима называли поэтому Телкара: «тел» означает – «общее» и есть другой смысл слова – «избалован».

ный, росший свободно, вольно», а слово «кара» – «тёмный, смуглый». В раннем детстве он был мальчуго-ном смуглым. Аульчане так и называли его – Телкара, до того времени, пока он не повзрослел.

Обучая детей русской грамоте, Кунанбай одновременно проповедовал и ислам. В большой его семье он, как отец, надежды все возлагал на Абая; с тринадцатилетнего возраста повсюду Абай сопровождал отца и обучался у него искусству управления.

Из романа «Путь Абая» М. Ауэзова, основанного на материалах, собранных им путём опросов очевидцев Кунанбая, узнаём ещё и такие воспоминания о султанине: *«Настало время, когда первые толстосумы, вроде Кунанбая, начали заявлять: «Торе желают не единства казахов, а раздора между ними». Он (Кунабай авт.) много читал и сделался образованным человеком, знал языки – русский, арабский. Его сын Хилиулла первым перевёл Лермонтова, Тургенева, Толстого и открыл младшему брату мир русской литературы».*

Благодаря М. Ауэзову до нас дошли и довольно интересные, классические выражения, отражающие интеллектуальный уровень Кунанбая:

♦ *Раб и хозяин уравниваются на поле брани, молодой и старый – в знании, бай и бедняк – в щедрости, дурной и добрый – в смерти.*

♦ *Нет ничего проще, чем толковать о чужих недостатках. Нет ничего труднее, чем признаваться в собственных грехах.*

♦ *Расстояние между ложью и правдой – в ладонь.*

♦ *Увиденное глазами – правда, услышанное ушами – ложь.*

Вот каким знал его А. Янушкевич, который лично знаком был с ним: «Сын простого киргиза, одарённый природой здравым рассудком, удивительной памятью и даром речи, дельный, попечительный о благе своих соплеменников, большой знаток степного права и предписаний алкорана, прекрасно знающий все российские уставы, судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей Кунанбай стяжал себе славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешат за советом молодые и старые, бедные и богатые. Каждое его приказание, каждое слово выполняется по кивку головой. Во время вдохновенной речи он заставляет слушателей забыть о своём страшном обезображенном лице (После болезни оспой, авт.). Кунанбай – это просто машина для говорения... Едва проснётся, как пускает в ход язык, и говорит неустанно, пока не заснёт – и с удивлением добавляет – на каждые три слова у него цитата из шариата, и память такая феноменальная, что все указы и распоряжения пра-

вительства приводит, будто по книжке читает».

В то же время Кунанбай, как образованный правдолюбец, был жестоким, во многом несговорчив, с неуступчивым характером. Личные качества его иногда становились причиной возникновения ссор между сородичами, создавая некоторое напряжение в их отношениях.

Кунанбая – человека своего времени, оправдывает время, за неординарные поступки его. Разногласия, споры и даже ссоры возникали иногда между отцом и сыном – Абаем. И хотя иногда их отношения складывались не просто, они никогда не враждовали, даже, напротив, всегда поддерживали и прислушивались друг к другу; исправляя недоразумения и ошибки в их отношениях. Абай очень ценил отца и общение с ним считал нужной школой своей жизни. Не меньшее влияние на него оказывали и другие бывавшие в их доме соратники и друзья отца – мудрые и властные предводители своих племён. Это общение для юного ещё Абая было необходимой питательной средой формирования духовного лидера в будущем. Кунанбай видел в сыне своём великого человека и верил в его будущее. Поэтому жизнь и творчество Абая обусловлены были не только влиянием, но и примерами прославленного, порой, чрезмерно категоричного

в делах, но принимающего всегда справедливые решения отца.

Вот что узнаём из романа об Абаете у Мухтара Ауэзова: «Однажды Кунанбай сказал Абая:

– В твоём характере есть три недостатка. Во-первых, ты не знаешь, что дорого, а что дешёво в жизни. Ты доступен всем, как разлившаяся вода. Такой водой пользуются и собака, и птица. Если всегда будешь таким доступным, никто не будет тебя ценить. Во-вторых, ты не разбираешься, кто тебе враг, а кто друг. Строишь дружеские отношения с кем попало. Тот, кто не разбирается в человеке и не выбирает людей, не сможет собрать их вокруг себя и притянуть к себе. Кто собирается управлять людьми, не должен быть таким. В-третьих, ты русофил.

На эти три обвинения Абай ответил:

– Во-первых, Вы сравнили меня с разлившейся водой. Чем быть бесполезной водой в недоступной глубине, лучше быть разлившейся водой, полезной всем. Во-вторых, Вы сказали о способах управления народом и характере, необходимом для этого. Народ уважает и признаёт только тех, кто готов во имя него жертвовать собою, кто всегда среди людей и переживает и радости, и горе вместе со всем народом. В-третьих, Вы сказали, что я русофил. И для народа и для меня самое необходимое и

важное – это знания и умения. И всё это мы должны перенимать у русских».

Абай вспоминает о разговоре, который состоялся с отцом: «Люди говорят, моя известность переросла Вашу. Что скажете, отец?» – спросил Абай однажды. Кунанбай помолчал, подумал немного и спокойно ответил: «Ты сначала породил сына, достойного себя, а уж потом задавай подобные вопросы и запомни: на такыре трава не растёт». Выслушав отца, Абай помолчал и, поклонившись, вышел из юрты.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО:

На такырах травы вообще не растут: нет почвы, и глина на них твёрдая, как цемент. Однако, если на границе его обильны кустарники – значит под такыром много воды.

В ответе Кунанбая, как видно, скрыт подтекст версии о генетике, о которой в то время вообще в арсенале знаний человечества даже не было представления; гениальность Тобыкты и Каракесек, «породистость» их, естественно, передавалась поколениям и проявлялась с особой силой в гениальных творениях Абая, Шакарима и Ауэзова.

Случалось, что Абай не одобрял поступки отца, но он всегда глубоко чувствовал и понимал его величие и необходимость его дея-

ний. Об этом его слова в стихотворении, написанном для самоутешения и назидания после смерти сына Абиша:

*И наш родитель ушёл,
Хоть всем он добра желал,
Хоть праздной жизни не вёл
И козней не затевал.
С врагом он твёрд был и строг.
Он радостью был друзьям.
Свой хлеб раздавать он мог
Голодным и беднякам.
И весь казахский народ
К нему за советом шёл.
Тобыкты, древний наш род,
Собрал он, в одно он свёл.
И в Мекке выстроил он
Приютный странникам дом –
И смертью он унесён.
Мы терпим, мы всё снесём.*

Улжан – было одним из самых дорогих имён для поэта – имя любимой матери его. По характеру это была добрая и достаточно мудрая женщина из богатого и знатного рода шаншар, племени Каракесек. Её прадедом был Бер-тис-би. Этот род славился среди других родов особой находчивостью, умением вовремя найти нужное, острое слово. Обладая игривым умом, род её славен был также знаменитыми розыгрышами, что высоко ценилось в народе, способном в сложных делах принимать неожиданные, быстрые решения.

Братья отца Улжан – Турпан,

Контай и Тонтай, также выделялись особым пристрастием к различным шуткам. Улжан и сама не уступала им в остроловии. Так что острый, пронизательный ум Абая – свойство его генетики, унаследованное не только по линии отца, но также и от нагашы – по материнской линии: материнская линия и род по отношению к племяннику считается «нагашы», племянник по отношению к материнской линии выступает как «жен». Помимо находчивости в каких-либо решениях, склонности к шуткам, Улжан, к тому же, обладала прекрасной памятью: она знала много стихов, наизусть пересказывала старинные поэмы, знала айтысы и произведения многих акынов.

Бабушка Зере. По возрастному цензу бабушка Зере в семейной цепи должна стоять в перечислении родственной линии Абая перед его матерью. Однако роль бабушки в творческой судьбе Абая является, по многим мотивам, всё-таки второстепенной после Улжан. В то же время, как было сказано, в раннем детстве именно она пробудила интерес к народному творчеству, в том числе и к поэзии. Под влиянием матери и бабушки у будущего поэта, великого художника слова, развивалось воображение, и потом уже, встав на путь «воинственного» романтика, он пошёл дальше – возглавил ряды борцов за справедливость,

за честь и совесть угнетённого и обнищавшего народа. Бабушка Зере была также большим знатком народной словесной культуры и все знания свои прививала любимому внуку. Естественно, пожилой женщине было неизвестно, что она есть не только воспитатель, но и в этой его поре учитель...

Её прошлое представляет также некоторый интерес, оно проливает свет на быт, условия и традиции того времени. В девичестве Зере звали Токбала, согласно старинным обычаям, переехав в дом жениха, она носила в носу серебряную серьгу. Из-за этого её украшения родственники стали звать её Зере. В сущности своей это была очень отзывчивая и добросердечная женщина. Маленькому внуку она постоянно что-либо рассказывала, а так как он мальчик был любознательный, то не только любил её, но и старался держаться ближе к ней: он постоянно упрашивал её рассказать ему ещё какую-нибудь историю. И как мастерица рассказа, делала это Зере очень охотно, чем привязала к себе любимого внука.

Ежегодно, с наступлением весны, аул их перекочёвывал на летние пастбища, к берегам рек и ручьям. И, кроме бабушки и матери, маленьким Ибрагимом особенно никто в это время не занимался. Как только Абай подрос, ко-

лыбельные песни ему бабушка и мать заменили на сказки, различные предания... От них он услышал впервые о Бухар-жырау, Шортанбае, Дулате, Шоже, Сабырбае, о трагической судьбе Енлик и Кебек, могила которых находится на сопке Акшоки – на «холме с обильной травой». От родителей юный Ибрагим услышал впервые рассказы о Калкамане и Мамыре, о походах и сражениях Абылая и Кенесары, и с того времени его любимой была песня: «Встал на дыбы и заржал гнедой конь, но всё равно его оседлаю».

Общение, влияние устных рассказов и песен бабушки и матери Абая бесследно не прошло: у него довольно рано проснулся интерес к истории народа, его творчеству и к красивой речи, которую он слышал, когда читали стихи.

Мухтар Ауэзов приводит один из интересных эпизодов, построенный на воспоминаниях очевидцев, об отношении юного Абая к своей бабушке: у неё в то время заболели уши, и она стала плохо слышать, и он, жалея её, из озорства поступил следующим образом:

«Абаю стало жаль старушку, обременённую на тягостное одиночество среди людей.

– А можно вылечить твои уши, если бы попробовать?

И Зере, и все кругом рассмеялись, но чтобы не огорчать маль-

чика, Зере ответила с улыбкой:

– Если мулла подует с молитвой, бывает, что начинают слышать. Это помогает.

– Ну, что ж, – сказала Айгыз, усмехнувшись, – внук твой уже мулла, пусть подует, раз это помогает!

Остальные женщины повторили серьёзно:

– Пусть подует ей в уши! Бедной старухе хоть на душе станет легче.

Абай сидел, улыбаясь, потом обнял голову бабушки и забормотал ей в ухо шёпотом:

*Прелестен лик,
в очах алмаз горит,
Заре подобен цвет её ланит,
На гибкой шее
белый снег лежит,
А брови тонкие начертаны
творцом...*

Сидевшие в юрте ничего не разобрали, но были убеждены, что мальчик читает молитву.

А Абай с серьёзным видом продолжал бормотать, как заправский мулла:

*Но почему
в минуты редких встреч
Тебя всего пронзает
острый меч,
Твой слепнет взор,
твоя немеет речь
Перед её сияющим лицом?*

Он зажмурил глаза, беззвучно

пошевелил губами и дунул в ухо бабушке:

– Су-уф!

Это были его собственные стихи. Он сочинил их весной, начитавшись Навои и Физули.

Только под конец Абай, больше не скрывая своей проделки, повысив голос, зажмурился и раскачиваясь, закончил нараспев:

*Как пташка к югу
свой стремится полёт,
Так ты спешишь,
прекрасная, вперёд...
Не слышит бабушка –
пусть с верой ждёт:
Я вылечу её моим стихом.*

И опять дунул:

– Су-уф!

Присутствующие поняли его шутку и рассмеялись».

Чем больше узнаёшь о предках Абая, больше убеждаешься, что обладали они в своём большинстве повышенным интеллектом, прекрасной памятью, находчивостью и шармом особым, ценным в те времена. Всё начинается от прапрадеда Абая – Иргизбая, его деда – Оскенбая и отца – Кунабая. Одни изречения Кунанбая, которые удалось записать М. Ауэзову, нас убеждают в незаурядном уме его, а в целом, в генетической «породистости» его рода, их способности лаконично и быстро выражать мысль.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО:

Слово «би» подразумевает ораторский талант, ум и мудрость, умение решать сложные споры между племенами, означает и титул вождя племени или предводителя рода. Должность его не передаётся по наследству, биями становятся благодаря только личностным качествам.

В родственных отношениях с Кунанбаем находился и дед Мухтара Омархановича – Ауэз. По материнской линии знаем также о прекрасной памяти, умении отпустить острые шутки, просмешничать, о знании и умении пересказывать самые разные народные предания, факты истории, как это делали бабушка его – Зере и мать Улжан. В этом, пожалуй, и кроется ответ на «надоедливый» мой вопрос – появление в «тёмной» степи великой троицы земляков, связанных родственными отношениями.

Вот какое впечатление произвёл Кунанбай на польского путешественника А. Янушкевича: «Кунанбай... большая знаменитость в степи. ... Стяжал себе славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешат за советом молодые и старые, бедные и богатые... Избранный на должность волостного управителя, исполняет её с редкостным умением и энергией,

а каждое его приказание, каждое слово выполняется по кивку головы. Когда-то он был красивым мужчиной, нынче на его лице следы оспы, несколько лет назад чуть не унёсшей его в могилу, как Мирабо; во время вдохновенной речи он заставляет слушателей забыть о своём страшном обезображенном лице. Эти жестокие последствия болезни всякий раз пробуждают в нём сладкие воспоминания о сочувствии земляков, которое может дать тебе доказательства его заслуг и значения... А все баи недостойны развязать ремешок на обуви Кунанбая».

Приведу и другие впечатления о правителях степи, облачённых властью султанов, как правило, людей волевых, рациональных в судебных делах, бытовых ссорах, записанных тем же Адольфом Янушкевичем. В его дневнике, в урочище Кундызды это значит в верховьях реки Шет, где находился аул Барака, сподвижника Кунанбая – богатого и достойного уважения, олицетворяющего ум и мужество этой степи, записано: «Султан Барак... ещё в цвете лет, это человек величественной осанкой, с благородными чертами лица и необычайной силой. Щедрая природа наделила этого степного Геркулеса рядом выдающихся умственных способностей и сильным характером, и неустрашимым мужеством. Он был воспитан в рыцарских обычаях, как

сын барона феодальной эпохи: никто метче него не стрелял из лука, никто быстрее него не укрощал дикого жеребца, не поднимал огромнее камня. Байга, охота и барымта широко разнесли по степи славу этого жигита, сделали его имя, как некогда имена героев романов Вальтера Скотта, страшным... Не одна ватага степных корсаров убегала только при звуке имени Барака... Белая кость (султаны) рядом с Бараком кажется скорее серой, чем белой...»

Завершая краткий обзор предков Абая, близких по крови, вернёмся вновь к Абаю. Исходя из разных источников, проследить чётко места проживания его в разные годы не представляется возможным. Однако судя по разрозненным данным, родился Абай в местечке, как раз на распутье, где со склонов двух холмов два небольших стекают ручья: один ручей течёт на восток к горам Чингистау с названием Каскабулак, с другой стороны холма – течёт в направлении противоположном уже другой ручей с тем же названием Каскабулак. В 1845 году у гор Малой и Большой Акшоки, на зимовке Оскенбая – Акшоки, родился 10 августа наречённый Ибрагимом (Авраам) мальчик. По описаниям: мальчик с «ярким блеском в глазах», «высоким, тонким носом», «тонкими длинными бровями», «высоким,

выпуклым лбом», «белыми ровными зубами»; смеялся он всегда от души, от сердца, то есть с детства был весёлым, открытым. Такой вкратце словесный портрет совсем ещё юного Абая.

Ибрагим рос спокойным, несколько простодушным ребёнком и много времени проводил с матерью и бабушкой. Когда подросток дружил со своими соратниками, а потом и друзьями отца. С большим интересом, что было свойственно для него, слушал рассказы их; любил, размышляя, один бродить за аулом по окрестным холмам. Как видно уже, рос он энергичным мальчиком с разносторонними интересами; юношей увлёкся охотой, особенно привлекала его охота с ловчими птицами. По воспоминаниям Турагула через руки Абая прошло 250 ловчих беркутов; ими обменивался он с другими охотниками – беркутчи. Замечу, число беркутов, которых содержал он, даже если бы в течение всей жизни, о чём говорил Турагул, не реально. Такое количество орлов этого вида с огромной охотничьей территорией в природе, явно завышено. Столько беркутов не могло быть даже на всей территории, где были зимовки. Кроме охотничьих птиц высоко Абай ценил лошадей, знал особенности их поведения и повадки; любил также борьбу, игру в шашки и тогызкумалак.

С юных лет он унаследовал от

отца проявлять в суждениях настойчивость и прямоту; был равнодушным к судьбам людей и, по мере возможностей, старался добросовестно решать их.

С другой стороны доброта его, мягкость характера, чуждость к стяжательству, приводили к общению не с богатыми друзьями, а середнячками. С презрением он относился к скрытным, хитрым и алчным лицемерам, питая в то же время симпатии к простым и честным людям. Таким, по воспоминаниям Турагула и его современников, был Абай. Также, по воспоминаниям сына, он нетерпимо относился к не признающим науку и приуменьшающим значение образования – к туповатым, самодовольным богачам. Над некоторыми из них он откровенно насмеялся и, напротив, общался охотно с понимающими, умными соплеменниками. «Никогда не мог долго пребывать в обществе человека, которого не любил и которому не доверял. Если, невольно, оказывался рядом с такими людьми, то эти минуты были для него равносильны минутам пребывания в тюрьме... Отец всегда скучал по тем людям, которые имели весёлый характер и искромётное слово...», – вспоминал Турагул. Любовь к детям выражалась в стремлении воспитать в них высокие нравственные качества; любил с ними играть и искренне

радовался, когда замечал в них тягу к каким-либо знаниям.

Благодаря образованности и неординарному интеллекту, ораторским качествам, которыми обладал он в совершенстве, и своей безупречной репутации, Абай пользовался огромным авторитетом в народе.

Если оказаться в Каскабулаке, от него юго-западнее видится небольшая вершина Шолпан (487 м). Там находилась зимовка, где родился Мурсеит Бекеулы. Это он, оценив достоинства произведений молодого ещё Абая, первым решился переписать ранние произведения его, опубликованные потом в Санкт-Петербурге.

Как состоятельный человек, согласно законам «вечного и неизменного» шариата (свод мусульманских законов, авт.), Абай содержал трёх жён и был отцом 20 детей. В том числе он не оставлял без внимания своих близких родственников, которых также обучил грамоте и сделал из них достойных его талантливых учеников и последователей, были это – Шакарим, Кокбай, Акылбай, Какитай и Магауия.

Акылбай (1861-1904) – был первенцем Абая. Детство и юность его проходили у Кунанбая и младшей жены его Нурганым. Русско-го образования Акылбай не получил, однако, следуя примеру отца, под влиянием его и впечатлений поэтических вечеров, прово-

дившихся в доме у них, у юноши развивался поэтический талант. Помимо коротких произведений им написаны были три большие поэмы «Жарах», «Зулус» и «Дагестан».

Когда младший его брат Магауия женился, то попросил Акылбая написать для него песню. Акылбай тут же сочинил, назвав её «Песней Акылбая». Но «талантливый поэт скончался в то время, когда его поэтический дар находился в самом расцвете; умер он в 1904 году». Много радости и горя отцу потом доставила судьба Абдрахмана. Оценив талант и возможности любимого среднего сына, Абай был уверен, что Абдрахман принесёт большую пользу своему народу и отдал на учёбу его и Магаша в русскую школу. Желал им Абай не карьеры чиновников, а знаний истинных, настоящих.

Абдрахман же, окончив русскую школу, закончил ещё и реальное училище в Тюмени, затем прошёл обучение и в Михайловской школе артиллерии в Санкт-Петербурге. На Абдрахмана, как на очень талантливого, не только со стороны отца возлагались большие надежды на его блестящее будущее. Но, к сожалению, по исполнению ему 27 лет в городе Верном (Алматы) он умер от туберкулёза. Абай очень тяжело переживал смерть сына; все мечты и надежды его рухнули. Утрата, ничем не вос-

полнимая была, и Абай, как отец, потрясённый горем, замкнулся: он избегал встреч с людьми и старался не бывать в каком-либо обществе. Страдая горько, он посвятил девять стихов памяти любимого сына.

*Как падая звезда,
Он сверкнул – и стал незрим.
Как заплакали тогда
Все встречавшиеся с ним!
Был он умудрён и смел,
Страх в душе его был нем.
Он на смерть взглянуть сумел,
Этим не делаясь ни с кем.*

«Беда, – как говорится в русской поговорке, – не приходит одна» – или: «Пришла беда – отвориай ворота». После смерти Абдрахмана надеждой отца остаётся теперь только его младший сын Магауия Кунанбайулы (1870-1904), рождённый первой женой Абая – Дильдой. Способный и восприимчивый юноша, обладал блистательным умом и даром слова. Абай с ним занимался постоянно в ауле, но после трёх лет обучения в мусульманской школе и городском училище Семипалатинска Магауия заболевает. В связи с чем он оставляет занятия и возвращается домой, где по-настоящему увлекается поэзией. По совету и настоянию отца, он написал такие поэмы, как: «Енлик-Кебек» и «Абылай». Самое объёмное и совершенное его художествен-

ное произведение – поэма «Медгат-Касым».

В последние годы жизни Магауия (Магаш), благодаря справедливым судебским решениям, стал известным человеком. В возрасте 34 лет, когда его имя и дела начинали завоёвывать сердца людей, в 1904 году весной он умер также от туберкулёза.

Когда родители переживают своих детей, это страшно. И это случилось в его жизни: потеря сыновей стала истиной катастрофой всей жизни. После смерти Магаша «мир как будто рухнул, разбился». Дамокловым мечом, смерть за смертью его сыновей опускались страданиями на поседевшую голову поэта: горе его было невыносимым. Удары судьбы, беды, которые испытал он, разрушали его изнутри и, не дожив до шестидесятилетнего возраста, ровно через сорок дней после смерти сына, то есть 23 июня 1904, умер и сам он.

Печать оповещала по этому случаю: «В Чингизской волости (в горах Чингис) Семипалатинского уезда скончался популярный в родной степи киргизский поэт Абай Кунанбаев. Книжное его имя Ибрагим (Авраам), но киргизская степь, следуя матери поэта, укрепила за ним нежное ласкательное имя Абай, которое и мы сохраним за ним»...

Предвидя свою кончину, Абай писал: «Когда умру, пусть не будет земля сырой». Балашакпак – место

его кончины. В лице его казахский народ потерял замечательного сына, выдающегося поэта, философа, просветителя и великого гуманиста. То, что сказала Айгерим, - любимая жена Абая, никто ещё и никогда не говорил о нём. Устами его верной супруги весь народ Дармен обращался к Абаю.

«Чем дорог народу Абай, за что его чтут люди? Его словами плакали обездоленные, горемычные матери. Его мыслями вооружались доблестные мужи. Его

голосом молодёжь говорила с будущим, отрекаясь от зла прошедшего, устремляясь к светлой надежде грядущего. Потому-то – не умер Абай!» По роману Мухтара Ауэзова, Айгерим сказала: «Нет, народ благодарный твой смерти тебя не отдаст!» – и так пела она у свежей могилы Абая, утверждая неувядаемую, вечную жизнь его в народе».

Абая похоронили в Жидебае, у гор Чингистау, в одном мавзолее с младшим братом его – Оспаном.

